

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**КУЛЬТУРНОЕ
И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ**

ДОКУМЕНТЫ
И МАТЕРИАЛЫ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2016

УДК 930.85
ББК 63.3(0)61
К 90

Редакционная коллегия:

к.и.н. *Аксенова Е. П.*, д.и.н. *Вандалковская М. Г.*, д.и.н. *Ганин А. В.*,
д.и.н. *Сератионова Е. П.* (отв. ред.), д.и.н. *Сидорова Л. А.*

Именной указатель подготовила к.и.н. *Лобачева Ю. В.*

Рецензенты:

к.и.н. *Силкин А. А.*, д.и.н. *Соловьев К. А.*

Сборник подготовлен в рамках проекта
«Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности
славянских народов в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе:
от раннего Нового времени до наших дней» Программы фундаментальных
исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

**К90 Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике:
документы и материалы.** — М.; СПб. : Нестор-История, 2016. — 288 с.

ISBN 978-5-4469-1004-5

В книге публикуются воспоминания, письма, научные статьи и доклады, публицистические работы русских эмигрантов, проживавших в Чехословакии в период между двумя мировыми войнами: И. К. Белорусс-Белошевской (Чиркиной), С. А. Щепихина, В. В. Добрынина, Е. Е. Лазарева, А. В. Флоровского, А. Н. Фатеева, А. А. Кизеветтера, В. А. Мякотина, Б. А. Евреинова, С. Г. Пушкарева, Л. С. Лада-Якушевича и С. Моравского. В них рассматриваются события Гражданской войны, причины поражения Белого движения, проблемы эмиграции, адаптация русских в новых условиях, отношения России и Европы, России и славянского мира. Научные статьи и доклады представляют собой образцы творческой работы русских историков за рубежом и являются их вкладом в отечественную и мировую культуру.

Книга адресована историкам и самому широкому кругу любителей истории.

На обложке:

Вид Збраславского замка, где с 1935 г. располагался
Русский культурно-исторический музей в Праге
(Фотография из каталога выставки Государственной Третьяковской галереи
«Сохранить для России. К 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге».
М., 2015. С. 19)

ISBN 978-5-4469-1004-5

9 785446 910045

© Коллектив авторов, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

Воспоминания, письма

«Все, что я помню». Воспоминания Ираиды Белорусс-Белошевской о бегстве из России. (Публикация <i>Ю. Янчарковой, С. Гагена, Д. Гашковой</i>)	15
Из воспоминаний С. А. Щепихина «Тыл в Омске». (Публикация <i>А. В. Ганина</i>)	31
«То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». Неизвестное письмо полковника В. В. Добрынина генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. (Публикация <i>А. В. Ганина</i>) ...	54
Егор Егорович Лазарев. Из писем М. Ю. Морозову о Гражданской войне в Сибири. (Публикация <i>Е. П. Сератионовой</i>)	76
Письма А. А. Кизеветтера Владимиру Александровичу Розенбергу и Венедикту Александровичу Мякотину. (Публикация <i>М. Г. Вандалковской</i>)	100

Научные работы

Александр Александрович Кизеветтер о науке и культуре России. (Публикация <i>М. Г. Вандалковской</i>)	115
Неопубликованная рукопись А. В. Флоровского «Федерация исторических обществ Восточной Европы и славянских стран». (Публикация <i>Е. П. Аксеновой</i>)	144
Аркадий Николаевич Фатеев о расах, нациях и государстве. (Публикация <i>Л. А. Сидоровой</i>)	167
Переяславский договор 1654 г. в оценке Венедикта Александровича Мякотина. (Публикация <i>Ю. Н. Емельянова</i>)	183

Публицистика

В. А. Мякотин об отношении к А. В. Колчаку (Публикация <i>Е. П. Сератионовой</i>)	207
Борис Алексеевич Евреинов о русской эмиграции. (Публикация <i>Е. П. Сератионовой</i>)	209
С. Г. Пушкарев о России и славянстве. (Публикация <i>Е. П. Сератионовой</i>)	252
Леонид Сергеевич Лада-Якушевич и русские архитекторы в Чехословакии (Публикация <i>В. И. Косика</i>)	266
Сергей Моравский о русских студентах в Праге. (Публикация <i>В. И. Косика</i>)	274
Сведения об авторах-составителях	278
Именной указатель	279

*Памяти Любови Николаевны
Белорусс-Белошевской
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Журналист В.С. Мердов еще в 1929 г. в связи с началом издания журнала «Чешско-русская будущность» писал: «Пройдут года, и историки займутся этим вопросом, начнут искать материалы, чтобы представить себе: где жили эмигранты, каким образом попали в ту или другую страну, что их там удерживало, чем обуславливался переезд в другую страну. Можно наметить ряд вопросов, которые особенно важно выяснить. Например, каковы были отношения с местными жителями, была ли местная помощь, и если была — каковы ее мотивы? Как были эмигранты организованы? Какие имели предприятия? Чему ОНИ научились? Чему у НИХ учились? Было ли общеэмигрантское управление? Или отдельные колонии управлялись самостоятельно? Кто выдвинулся на роли вождей и почему? Какова семейная жизнь эмиграции, где и как воспитывали детей? Все это в высшей степени интересно, ибо составляет нашу жизнь, которую мы так мало знаем и которой еще меньше интересуемся...»¹. Эти слова воспринимаются как послание современным историкам из прошлого, как соединяющая нас нить.

И действительно пришло время, когда изучение русской послереволюционной эмиграции стало возможным в нашей стране и других постсоциалистических странах. За прошедшую четверть века историками подготовлено множество коллективных трудов, индивидуальных монографий и статей, касающихся великого исхода, формирования Русского Зарубежья, становления различных организаций и институтов, созданию системы образования русских за рубежом, их культурной и научной деятельности, посвященных проблемам социальной адаптации и сохранения национальной идентичности эмигрантов, роли различных факторов в этих процессах. Достаточно много сделано чешскими, словацкими и российскими специалистами для изучения русской эмиграции в Чехословакии, в том числе опубликованы документы и материалы, справочники, хроники и указатели. Но интерес к жизни и творчеству русских эмигрантов не иссяк.

Чехословакия, как известно, занимала особое место в эмигрантской диаспоре. Прага не случайно стала интеллектуальным и научным центром эмиграции.

Президент Чехословакии Т.Г. Масарик сформировал новые отношения Чехословакии к славянской проблеме и роли в ней России. Он отвергал панславизм,

---

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5891. С.Г. Пушкарев. Оп. 1. Д. 46. Л. 7об.

теократию, монархизм как в Чехословакии, так и в России, клерикальные основы старой славянской общности под скипетром России.

Новое понимание славянской общности Масарик связывал с развитием общеевропейской культуры, к которой относил как Чехословакию, так и Россию, и отрицал возможность какой-либо расовой избранности и претензий на мировое господство.

Мысль о создании демократического устройства Чехословакии была поддержана русскими демократическими кругами. Общая направленность политических взглядов деятелей чехословацкого освобождения и русских либерал-демократов, в частности П. Н. Милюкова, несомненно, способствовала благосклонному отношению чехословацкого правительства к русским эмигрантам из большевистской России, которую они не могли сразу принять и признать.

В Чехословакии развертывалась «Русская акция» помощи эмигрантам. Она была грандиозным мероприятием как по содержанию, так и по масштабам. Это был уникальный опыт создания русского, научно-образовательного комплекса за рубежом. Масарик подчеркивал гуманитарный характер «Русской акции» как отношения чехословацкого государства к русскому народу. Цель «Русской акции» — помощь России во имя ее будущего, которое он связывал с созданием демократического федеративного государства. Кроме того, учитывая срединное геополитическое положение Чехословакии, Масарик осознавал, что страна нуждается в гарантиях и с Востока, и с Запада. Россия могла бы стать одним из таких гарантов. В силу этих причин проблема русской эмиграции являлась составной частью политической жизни Чехословацкой республики (ЧСР).

Прага стала центром русской гуманитарной науки и образования. Не без основания Прагу называли «русским Оксфордом» или «русскими Афинами». В итоге в Праге сконцентрировалась довольно основательная группа ученых-гуманитариев, и, прежде всего, историков, вклад которых в отечественную и мировую науку был значительным и высоко оценен мировым сообществом. Среди них историки А. А. Кизеветтер, Е. Ф. Шмурло, С. П. Мельгунов, И. И. Лаппо, Г. В. Вернадский, Е. Ф. Максимович, С. Г. Пушкарев, византилисты А. П. Калининский, и Н. П. Кондаков, историк искусства Н. Л. Окунев, историки-слависты В. А. Францев, А. В. Флоровский, Н. В. Ястребов, историк права М. В. Шахматов, правовед, переводчик и исследователь русского языка и литературы С. В. Завадский и др.

Несколько лет назад родилась идея «дать слово» самим эмигрантам, подготовив к изданию малодоступные, не опубликованные (или не публиковавшиеся ранее на русском языке) работы. Конечно же, идея не нова, подобные книги издавались. Примером многотомного издания является серия «Русский архив». К тому же наши чешские коллеги опубликовали солидный том под названием «Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии I / под ред. Л. Н. Белошевой» (Прага, 2011).

Наш проект, получивший название «Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословакии», был подготовлен совместными усилиями представителей трех институтов: Славянского института АН Чешской республики (ЧР), Институтом славяноведения РАН и Институтом российской истории РАН. Издание труда взял на себя Институт славяноведения РАН.

Замысел этого проекта в значительной мере принадлежит представительнице Славянского института АН ЧР Л. Н. Белорусс-Белошевской, к сожалению, ушедшей из жизни в 2013 г. Ее светлой памяти мы посвящаем эту работу.

Книга включает научные труды русских ученых-гуманитариев, опубликованные в забытых и малоизвестных чешских изданиях, а также часто не публиковавшиеся ранее и хранящиеся в архивах публицистических и мемуарные работы, а также письма выходцев из России, обосновавшихся в Чехословакии.

Русские ученые, представители литературы и искусства, музыканты продолжали лучшие дореволюционные российские традиции за рубежом, входили в международные организации и осуществляли профессиональное сотрудничество с коллегами из разных стран.

Нам показалось интересным, выяснить, что думали русские интеллектуалы о России старой и новой, события в которой они внимательно отслеживали, о Гражданской войне и обстоятельствах, вынудивших их покинуть родину и обосноваться в Чехословацкой республике. Хотелось понять, как они воспринимали молодую Чехословацкую республику и как оценивали связи России и славянского мира в прошлом и настоящем, какие перспективы в этом отношении видели на будущее. И представить еще один блок вопросов, связанных с их саморефлексией, представлениями о себе, о русской эмиграции в мире и в ЧСР, ее составе, политических направлениях, задачах и целях, о ее деятельности за рубежом.

Составители сборника не ограничивались в выборе персонажей и подборе работ, но руководствовались масштабом личности, ее научными заслугами, содержанием самих публикуемых материалов и собственными представлениями о том, какие сюжеты могут заинтересовать читателей.

Публикации предваряет обобщенная биография автора, а сами тексты снабжены комментариями.

В сборник вошли очень разные по содержанию и значению тексты и отрывки из них. Их авторы — люди разных поколений и возрастов, разных политических взглядов и профессий. Объединяют всех их вынужденный характер и политические причины эмиграции, а также место проживания — Чехословакия. Но содержание многих публикуемых статей выходит за границы этого государства, повествуя о русском рассеянии по всему миру.

Авторский стиль работ сохранен, исправления касались лишь опечаток и приведения текстов в соответствие с современной орфографией и пунктуацией.

Что касается биографий, то одни персоналии изучены достаточно подробно, другим повезло меньше, и сведений о них сохранилось крайне мало. Некоторая пестрота представленного материала оправдывается неравномерностью исследований той или иной фигуры и ее творческого наследия, а также желанием представить многомерность образов и многообразие мнений.

В первый раздел книги вошли мемуары и письма русских эмигрантов. Несколько выделяются воспоминания И. Белорусс-Белошевской (Чиркиной), которая маленькой девочкой проделала с родителями и сестрой долгий путь через всю Сибирь на Дальний Восток в теплушке в составе чехословацких легионеров. А затем этот путь продолжился морем из Владивостока в Триест, и, наконец, в Чехословакию. Подробности этого длительного пути, запечатлевшиеся в памяти восьмилетнего ребенка, весьма интересны, хотя и не лишены некоторых ошибок и неточностей,

которые авторы публикации Ю. Янчаркова, Д. Гашкова и С. Гаген (коллеги из Праги, Славянский институт АН ЧР) постарались исправить в комментариях. Во введении к тексту содержится и весьма эмоциональный рассказ о Л. Н. Белошевской, с которой они вместе работали, и о ее семье. Так как эти воспоминания писались скорее как семейное предание и предназначались для «домашнего пользования», а не для печати, подкупает их искренность и непредвзятость. В вводной статье эти детские впечатления авторы сравнивают с другими сочинениями детей эмигрантов о том, как они попали в эмиграцию, и эти сравнения дают уже более обобщенную картину «исхода» глазами детей.

К этому материалу примыкают мемуары видного деятеля Белого движения на Востоке России, генерал-майора Генерального штаба С. А. Щепихина. Рукопись не публиковавшихся ранее воспоминаний генерала под названием «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)» обнаружена в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Предлагаемая читателю первая часть воспоминаний «Тыл в Омске» посвящена событиям 1919 г., когда генерал состоял в должности начальника снабжения Южной армии Восточного фронта. В 1920 г. Щепихин эмигрировал в Турцию, затем в ЧСР, где жил и работал до своей кончины в 1948 г. На страницах его воспоминаний оживают события Гражданской войны, предстают яркие портреты ее участников, показана реалистическая картина бесполезной деятельности и просто безделья, коррупции, интриг в тылу белых войск, которую генерал имел возможность лично наблюдать в Омске. Боль и горечь сквозит в рассказе Щепихина о ситуации в тылу в сравнении с героическими усилиями солдат и офицеров на фронте, откуда он прибыл. Эта зарисовка, конечно же, весьма субъективная, но она помогает лучше понять причины неудач белых на Востоке. И. Белошевской, как и многим эмигрантам, запомнилось хорошее снаряжение, обмундирование и снабжение чехословацких эшелонов и плачевное состояние с обмундированием и вооружением следовавших пешком порядком отступающих белых войск. Воспоминания Щепихина обнаруживают очень важную и яркую деталь: плохое снаряжение белых войск было связано не с тем, что не хватало обмундирования и вооружения, наоборот, по его словам, склады лопались от всякого рода запасов, а, следовательно, связь между тылом и фронтом не была налажена, не существовало никакой четкой организации...

Воспоминания о Гражданской войне, но теперь уже на Юге России, взаимоотношения военного руководства Донской и Добровольческой армий содержатся и в публикуемом письме военного историка, жившего в эмиграции в ЧСР, полковника В. В. Добрынина к своему бывшему учителю, а затем и начальнику, профессору академии Генерального штаба генерал-лейтенанту А. К. Келчевскому. В эмиграции Добрынин опубликовал более 60 трудов на русском и чешском языках о жизни казачества, об истории Гражданской войны и борьбы против большевиков на Юге России, участии в ней донских казаков, о русской эмиграции, о текущих военно-политических событиях. В начале 1930-х гг. он даже составил курс русской грамматики для работников типографского дела. Добрынин состоял в пражском кружке по изучению Первой мировой войны, регулярно выступая там с докладами, и с июля 1928 г. входил в его совет. Публикуемое письмо — свидетельство резких разногласий, сохранявшихся между участниками событий Гражданской войны и в

эмиграции. В нем показана внутренняя обстановка в руководстве Донской армии, интриги, зависть, соперничество.

К этим же сюжетам относятся и письма с воспоминаниями о выступлении чехословаков, их связей с антибольшевистскими силами в Поволжье и Сибири видного эсеровского деятеля Е. Е. Лазарева, также хранящиеся в ГА РФ. Активный деятель Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча), министр народного просвещения в самарском правительстве, в эмиграции нашедший приют в Чехословакии, Е. Е. Лазарев подробно описывал в письмах к своему другу Морозову обстановку того времени, позицию чехословацких легионеров, соперничество Самарского и Сибирского правительств, Уфимское совещание. Письма публикуются не полностью, но позволяют увидеть события тех лет глазами эсеров из Комуча. Борьба честолюбивых политических и военных лидеров, неумение найти компромисс ради объединения всех антибольшевистских сил вели к поражениям и еще большим распрям внутри Белого движения на Востоке страны. Чехословаки не могли, да и не хотели в одиночку противостоять усилившейся Красной армии, наступавшей с запада.

В письмах историка, профессора Московского университета А. А. Кизеветтера В. А. Розенбергу и В. А. Мякотину описывается жизнь в Чехословацкой республике, реалии 1920-х годов. Письма Кизеветтера представляют собой прекрасный источник для достаточно популярной в последние годы исследовательской темы — адаптация русских эмигрантов к жизни за рубежом. По ним можно судить о существовавших материальных сложностях, бытовых проблемах и их преодолении эмигрантами, а также по отдельным деталям можно уточнить и воссоздать картину внутривнутриполитической жизни Чехословакии того времени и отношений внутри русской колонии в ЧСР.

Второй раздел книги содержит научные статьи А. А. Кизеветтера, А. Н. Фатеева, А. В. Флоровского и В. А. Мякотина.

Публикуемые статьи А. А. Кизеветтера посвящены российской науке и культуре. В первой статье «Карамзин как двигатель русской культуры» анализируется деятельность Карамзина как писателя, историка, публициста и политика. Представляя нам сложный и противоречивый образ Карамзина, автор приходит к выводу, что это была крупная, значительная личность, реальный двигатель русской культуры.

Вторая статья Кизеветтера о Московском университете и его традициях представляет собой яркий рассказ о его основании и отдельных этапах истории. Русские историки в Чехословацкой республике продолжали торжественно отмечать юбилейные даты университета. В относительно небольшом эссе отражена многообразная картина русской научной и общественной жизни XVIII и XIX вв., даны портреты наиболее выдающихся профессоров университета, рассказано об обществах, основанных при университете. Основная традиция университета, по мнению автора, заключалась в гармоническом сочетании служения науке и общественному благу.

Славянская тема звучит в работе А. Н. Фатеева «Введение в геополитику славянства». В ней ученый поставил вопросы и осветил проблемы расы, нации, государства, территории. Он рассматривал их в правовом, этнографическом, историческом и социокультурном аспектах, большое внимание при этом уделяя содержанию основных понятий и определений.

Статья А. В. Флоровского «Федерация исторических обществ Восточной Европы и славянских стран», находящаяся в архиве Славянской библиотеки (Прага), ранее не публиковалась. Вместе с тем она представляет большой интерес, поскольку освещает создание, структуру, направления деятельности, научные и организационные мероприятия, трудности в работе Федерации, поставившей своей задачей, прежде всего, историческое изучение славянского мира. Флоровский указывает, что Советская Россия вообще не была представлена в работе Федерации, тем более значимым представляется деятельность русских историков-эмигрантов в ее составе.

Достаточно актуально сегодня звучит и статья В. А. Мякотина о Переяславском договоре России и Украины 1654 г. Автор включается в полемику между историками второй половины XIX в. относительно характера этого соглашения. Мякотин указывает, что уже тогда одни ученые находили возможным характеризовать эти отношения, как инкорпорацию Малороссии, другие определяли их, как реальную или династическую унию, а третьи — как вассальную зависимость Малороссии от Московского государства. Споры эти продолжались и позже, поэтому ученый попытался высказать свою точку зрения, опираясь на исторические источники.

Последний третий раздел труда состоит из публицистических работ. Короткая статья В. А. Мякотина посвящена отношению эсеров к А. В. Колчаку. Она продолжает тему Гражданской войны и затрагивает вопросы восприятия различных антибольшевистских сил западными державами и возможности приглашения российских представителей на Парижскую мирную конференцию. Эта работа находится в личном фонде В. А. Мякотина и хранится в ГА РФ. Статья была опубликована в газете «Утро Юга» (Екатеринодар) 6 (19) июня 1919 г.

Две работы Б. А. Евреинова, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, «Правда об эмиграции» и «Лицо русской эмиграции» рассказывают о трагическом исходе из России, первых самых тяжелых временах выживания и обустройства за рубежом, трудовой деятельности выходцев из России, составе, целях, политических установках и направлениях русской эмиграции. Этот анализ «изнутри» представляется чрезвычайно важным и достаточно объективным. Биографический очерк с упором на научное творчество Евреинова удалось дополнить свидетельствами его сына о политической деятельности Евреинова в Польше и Чехословакии и связях с П. Н. Милюковым. Обе брошюры Евреинова, вероятно, являлись частью той пропагандистской литературы, которую он переправлял через своих людей в Советскую Россию с тем, чтобы донести правду об эмиграции. Тогда эта задача не была решена, но время делает свое — и сейчас правда об эмиграции становится доступной для всех интересующихся.

Статьи С. Г. Пушкарева «Россия и славянство» и «Зборов» были опубликованы на чешском языке в газете «Русский инвалид». В настоящем издании они публикуются в переводе на русский язык. В первой статье Пушкарев рассуждает об исторических связях России и славянского мира, утверждает, что ее традиционное покровительство славянским народам было обусловлено не столько экономическими и политическими причинами, а скорее чувством родства, братства, единством веры.

Вторая статья повествует о сражении чехословацких легионеров под Зборовом летом 1917 г., где они впервые выступили в качестве отдельного соединения в составе русской армии.

Статья русского архитектора и коллекционера Л. С. Лады-Якушевича о различных организациях и союзах архитекторов в ЧСР, в том числе и об Объединении русских архитекторов, была опубликована в журнале «Русский зодчий за рубежом». Ее дополняет передовица из того же журнала о работе русских архитекторов за границей. Эти материалы ценны тем, что русская архитектурная школа в Чехословакии исследована далеко не полностью, хотя большую работу по воссозданию биографий русских архитекторов за рубежом проделала С. С. Левашко, создав интернет-проект «Искусство и архитектура Русского Зарубежья»².

Правы русских студентов-эмигрантов, эволюция их жизненных установок и привычек предстают перед нами в статье С. Моравского. Работа изобилует любопытными бытовыми подробностями и живописует реалии того времени, правда о самом авторе этой статьи выяснить ничего не удалось. Русские студенты были одной из основных социальных групп, которых чехословацкие власти принимали в рамках «Русской акции помощи». Отношение к ним со стороны местного населения было далеко не однозначным. Если в начале 1920-х гг. практически все (кроме коммунистов) политические партии и направления в Чехословакии поддерживали идею оказания помощи русским беженцам и высказались за проведение «русской акции», то на рубеже 1920–1930-х в связи с мировым экономическим кризисом отношение к эмигрантам вообще и к студентам, в частности, стало весьма критичным.

Хотелось бы надеяться, что публикация этих материалов станет дальнейшим импульсом в исследовании истории Русского Зарубежья и вызовет интерес не только у специалистов по проблемам миграций, но и более широкого круга историков и любителей истории.

*М. Г. Вандалковская,
Е. П. Серапионова.*

---

² www.artz.ru/articles/1805091143/index.html

ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА

«ВсЕ, что я помню»

Воспоминания Ираиды Белошевской о бегстве из России

Авторы настоящей публикации являются самыми близкими коллегами безвременно ушедшей из жизни Любови Николаевны Белошевской¹, научной сотрудницы Славянского института и руководителя рабочей группы по истории русской эмиграции в Чехословакии в период между Первой и Второй мировыми войнами. Смерть Любы, как мы все ее называли, была для нас неожиданностью и шоком. После того, как мы поняли, что она уже действительно больше никогда не придет на работу, не возьмет в руки свою малахитовую чашечку и с золотым ободочком и не заварит в ней свой любимый черный чай, мы начали активно общаться с Любиным мужем — Митей — Дмитрием Белорусс-Белошевским². Мы говорили с ним по телефону,

---

¹ Любовь Николаевна Белорусс-Белошевская (27.08.1946, Москва — 11.11.2013, Прага), урожд. Сусоева, псевд. Белошевская, научный сотрудник Славянского института АН ЧР. Училась в московской средней школе, поступила в МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1970 по 1975 г. училась в Карловом университете в Праге, окончив факультет чешского языка для иностранцев и обществоведения. После окончания учебы, вышла замуж за сокурсника Д. Белорусс-Белошевского и их семья покинула Чехословакию. В 1976–1982 гг. Любовь Николаевна жила в Москве и работала редактором отдела вещания на ЧССР Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию. В 1982 г. они приняли решение вернуться в Чехословакию. По возвращении в Прагу Л. Н. Белошевская устроилась сначала в театральное и литературное агентство «Дилия», а потом в Институт чешского языка АН Чехословакии, где принимала участие в составлении большого чешско-русского словаря. После обновления в 1993 г. Славянского института, Л. Н. Белошевская возглавила группу по изучению истории русской эмиграции в Чехословакии, став одним из инициаторов исследований в данной области. В этот период она активно сотрудничала со З. Сладеком, подготовив вместе с ним ряд научных работ. Л. Н. Белошевская — автор многих научных трудов.

² Дмитрий Белорусс-Белошевский (10.05.1945, Брно — 18.12.2014, Прага), в 1963 г. окончил среднюю школу в Опаве, в 1976 — Карлов университет по специальности социология — русский язык. Работал рабочим в разных организациях Опавы, шахтером в Остраве. После 1967 г. вступил в Коммунистическую партию Чехословакии, в 1970 г. был по причине «невыполнения основных обязанностей» из партии исключен. В период 1977–1981 гг. жил в Москве, был переводчиком в издательстве «Прогресс», а также диктором и переводчиком Московского радио, преподавал чешский язык в Торговой академии в Москве. Автор переводов книг и туристических путеводителей на русский язык. По возвращении в ЧССР работал рабочим, кочегаром в Праге. В 1984 г. вновь подал заявление о вступлении в члены

иногда посещали его дома, вспоминали Любу и часто обсуждали политическую ситуацию в мире. У него мы совместно рассматривали коллекцию экслибрисов почти в 450 единиц, которую Люба собирала всю жизнь. Мы думали, как с ней поступить так, чтобы память о Любе жила, и решили передать ее в Галерею изобразительного искусства в городе Наход, где хранится большая коллекция русского искусства. Митя был просто счастлив, эти минуты нашего общения приносили ему облегчение. Он, оставшись один, очень страдал, хотя никогда об этом не говорил — он не любил жаловаться. Но вот в декабре 2014 г. мы не смогли ему дозвониться. Почувствовав неладное, мы с едва теплящейся надеждой пришли в их высокий панельный дом, но — сердце упало. Дверь пестрела от наклеек полиции. Это был второй удар. Митя скорпостижно скончался от инфаркта 18 декабря, пережив Любу всего на год. Не стало семьи — уже больше некому было звонить. Осталась только боль и вопросы, много вопросов, ответы на которые мы уже будем мучительно искать в архивах и старых изданиях. Митя подарил нам много книг: часть лично, часть передал в институт. Славянскому институту он завещал и тетрадь воспоминаний своей мамы — Ираиды Белорусс-Белошевской, урожденной Чиркиной. Подготавливая данный сборник, посвященной памяти Любови Николаевны Белошевской, мы хотели бы предложить дорогому читателю фрагменты из этой тетради.

Сначала было бы необходимо представить автора публикуемых отрывков. Ираида Константиновна Белорусс-Белошевская (26.02.1909, Харьков — 28.03.1992, Опава) родилась в семье Константина Александровича Чиркина и Ольги Андреевны, урожденной Любарской. Отец Ираиды был инженером и, как мы увидим в тексте, служил на железной дороге. Ему удалось присоединиться к чехословацким легионерам, прибыть с ними во Владивосток, а оттуда на корабле выехать в Европу. С ноября 1920 г. Ираида Чиркина с родителями, старшей сестрой и бабушкой³ жила в Чехословакии, где К. А. Чиркин устроился чиновником в дирекцию Чехословацких железных дорог в городе Брно. Согласно архивным данным, она окончила гимназию в городе Мукачево и поступила в музыкальное училище города Брно. В 1935 г. Ираида Константиновна вышла замуж за русского эмигранта Ивана Владимировича Белорусс-Белошевского (21.03.1902, Киев, — 27.06.1979, Опава)⁴. Ее профессиональный путь был связан с музыкой, она преподавала, с 1946 г. она была арфисткой в оркестре Театра им. З. Неядлы в Опаве,

---

Коммунистической партии Чехословакии, но принят не был. После изменения режима, с 1990 г. занимал посты сотрудника Славянской библиотеки, редактора издательства «Орбис», шеф-редактора газеты «Народная демократия», редактора «Экономической газеты».

³ Надежда Любарская, урожденная Петрова, умерла в Опаве в 1929 году.

⁴ Иван Белорусс-Белошевский был сыном государственного чиновника Владимира Белорусс-Белошевского, проживавшего в Киеве, и его жены Веры, урожденной Казаковой. Участвовал в Белом движении на Юге России. Эвакуировался в Галлиполи. В 1924 г. приехал в Чехословакию. В 1929 г. окончил Чешское высшее техническое училище. Не имел постоянной работы. В период с 1940 по 1950 г. работал конструктором на Машиностроительном заводе им. К. Готтвальда в районе Кралово Поле в городе Брно. В 1946 г. с семьей переехал в Опаву. В 1947 г. получил чехословацкое гражданство.

в Моравско-Силезской области, в середине 1950-х была членом оркестра театра Новая сцена в Братиславе. В период 1956–1961 гг. преподавала игру на фортепиано в Детской музыкальной школе в Крнове, в 1961–1970 гг. в Детской музыкальной школе им. В. Калика в Опаве. В 1975–1976 гг. вела музыкальный курс в Культурном центре в Крвареже, недалеко от Опавы. Добавим, что она писала стихи.

Тетрадь, содержащая частично публикуемый здесь текст, озаглавлена автором: «Все, что я помню. Ираида Чиркина-Белошевская». Над названием большими буквами приводится важное для нее посвящение: «Моему сыну Димитрию Ивановичу Белошевскому и Любе, своей дорогой снохе». Из контекста воспоминаний становится ясно, что Ираида Константиновна писала их по просьбе Мити и Любы. Писала она их, вероятно, в 1992, незадолго до смерти и, предчувствуя ее, боялась, что не успеет дописать. На странице 44 читаем: «Митя, родной мой, боюсь, что не допишу, да и начала сокращать <...>». К несчастью, так и случилось, текст не закончен. Рукопись, представляющая собой тетрадь формата А4, содержит 120 пронумерованных страниц. Записи продолжаются до страницы 109, остальные страницы пустые. Добавим, что в рукопись вклеены половинки страниц.

Текст представляет собой упорядоченное, местами очень подробное повествование. Мемуары начинаются родословной, далее переходят к родителям Ираиды Константиновны, описывается ее детство, перемещения семьи по стране, знакомые и друзья. Особенно внимательно автор восстанавливает в памяти и передает путь на Восток. Более двух лет они провели в поезде, который прошел почти через всю Россию. Перед нами, таким образом, детальные воспоминания о жизни и быте беженцев первого эшелона, прицепленного к паровозу № 266. Ираида Константиновна с родительской семьей ехала в вагоне № 760.

Публикуя этот текст, мы сталкиваемся с очень интересным вариантом воспоминаний. Ираиде Константиновне было всего 8 лет, когда начался путь ее семьи в эмиграцию. Понятно, что ребенок смотрит на происходящее глазами взрослых, но в детской памяти навсегда отпечатываются знаковые вещи.

Мама покупает красивые вещи, чтобы украсить их разоренный большевиками дом, но потом эти вещи вымениваются на еду у закутанных в шали сибирских баб с их «Есть чаво продавать, аль менять хотите?». Конечно, есть. И надежду на возвращение домой, в их Россию, они меняют на хлеб и масло на заснеженных полустанках. Маленькая Ираида понимает весь трагизм ситуации, ведь воротиться домой уже не придется никогда. И голос этих разухабистых деревенских баб помнит до смерти.

Русская эмиграция творила свой собственный вариант истории революции и Гражданской войны. Выходили мемуары участников тех событий. Воспоминаниями детей также интересовались. В русской гимназии в Моравской Тржебове детям было предложено написать сочинение на тему «Мои воспоминания с 1917 г.», всего же по разным школам было собрано более 2400 детских сочинений. Неизвестно, писала ли гимназистка Ираида подобное сочинение. В сборнике «Дети русской эмиграции» находим анонимные воспоминания 12-летней девочки, ученицы пражской гимназии, написанные в 1924 г., где упоминается «Гайдовское восстание»

во Владивостоке⁵. Вероятно, эта девочка и Ираида никогда не встречались. Анонимная маленькая мемуаристка не разделяет неприязнь Ираиды к чешским легионерам. Подобной неприязни, как и слухов о русском золоте, мы не встретим на страницах «официальных» детских сочинений о пережитом в Гражданскую войну.

Следует отметить, что ученик 3 класса гимназии в Моравской Тржебове, некто Авданович, проделал тот же путь, что и Ираида. Но воспоминания мальчика не отличаются подробностью: «Каким путем и через какой промежуток времени мы были взяты чехами, и каким путем мы выехали из города, вернее сказать, эвакуировались, точно не могу сказать. Впереди нам предстояла большая дорога, которую описывать подробно не хватит время, но хочу читателю обрисовать эту дорогу в кратких чертах: наша цель была добраться до Владивостока. Это расстояние от нижеуказанного города (Нижнеудинск — авт.) всего 6000 верст, хотя я говорю эту цифру несмело, ну, около этого. Ехали мы в теплушках (в Сибири так называются товарные вагоны). Больно в сердце становится, когда видишь, что в середине пути — чехи, а по обеим сторонам идут или, вернее сказать, отступают русские войска, почти все помороженные, больные, даже не хочется все то вспоминать, что видел я. Наконец мы въезжаем на станцию Владивосток. Владивосток, большой красивый портовый город, находится в Японском заливе. Прожив там около года, мы сели на один из транспортных пароходов, который вмещал в себя 7 ½ тысячи людей помимо команды. Пароход этот был английский и назывался “Президент Грант”⁶. Это сочинение написано 12.12.1923, на момент эвакуации юному Авдановичу было только 8 или 9 лет. Сверстница Авдановича, некая Ю. Санютнич-Курогицкая записала 12.12.1923, что «самое интересное в моей жизни это кругосветное путешествие. <...> Мы проехали: Желтое море, Восточно-Китайское море, были в Сингапуре, в Коломбо, на острове Цейлоне, проехали Индийский океан, были в Адене, проехали Красное море, видели пустыню Сахару, проехали Суэцкий канал, были в Порт-Саиде, проехали Средиземное море ...»⁷ Интересно, что маленькая Ираида в целом не переживала свое путешествие как «приключение», хотя проделала почти такой же путь.

Нельзя не сказать и о политических взглядах Ираиды. Они сформировались, само собой разумеется, уже в сознательном возрасте. Мемуары передают отрицательное отношение отца Ираиды, Константина Чиркина к царскому режиму, типичное для большей части русской интеллигенции начала XX в., а также для офицеров Белой армии. Приведем здесь тому пример: «Приехав с фронта к нам в Харьков, папа говорил маме, что положение из рук вон. И если наш Николаша не приберет к рукам Алису (т. е. Николай II свою жену Алису Гессенскую) и не послушает великого князя Николая Николаевича, то допрыгается, т. к. она у себя из своих любимых

⁵ Дети русской эмиграции. Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники. М., 1997. С. 21, 149–150.

⁶ Там же. С. 192–193. Правильно – пароход американский.

⁷ Там же.

генералов немцев устроила главный штаб немецкой разведки и все это хорошо, если кончится конституцией. Потом я у папы спросила, что такое конституция, а он мне, рассмеявшись, ответил, это когда сенат и парламент королю на хвост наступят, только об этом не болтай» (Рукопись с. 39).

Интересно это описание «демократии» у маленькой Ираиды сравнить с воспоминаниями некоего К. Померанцева из английской школы для русских мальчиков в Эренкее: «В Полтаве, мне тогда было около 12 лет, начали складываться мои убеждения. Под влиянием моей воспитательницы m-лле С-Пле, ярой поклонницы революции и республики, я стал решительно на сторону республиканских форм правления. Я стал поклоняться свободе и вольности. Но это ничуть меня не заставило стать большевиком; напротив, я стал их горячим ненавистником, в их лице стал видеть протест против свободы»⁸.

Хотя у Ираиды и не было французской гувернантки-республиканки, она все же также, в очень негативных тонах описывает большевиков, называя их, как будет видно ниже, «красной рванью», что было типичным для всех детей русской эмиграции, видевших именно представителей этой партии в качестве единственных виновников развала России. Ведь их обожаемые родители, боровшиеся с «проклятым царизмом», «немецкими шпионами в окружении императрицы» и мечтавшие «наступить королю на хвост», были, конечно же, во всем и всегда правы. Республика и конституция — это хорошо, а большевики это очень плохо!

Обращает на себя внимание и стиль изложения, который соединяет просторечные русские выражения с добавлением немецкого слова: «чехи, придя в Самару за белой армией *пешим хождением* и *угнездившиеся* здесь довольно прочно, боялись, что большевики их окружают и чехам будет *капут*».

В заключение добавим, что для удобства современного читателя текст разделен на небольшие тематические части. Заголовки этим частям даны издателями текста.

Ю. Янчаркова, С. Гаген, Д. Гашкова

И. К. Белорусс-Белошевская

«ВСЕ, ЧТО Я ПОМНЮ»

[Константин Александрович Чиркин]

Папа⁹ был очень талантливым и деловым инженером и его первое место было в Лунинце на Привисленской железной дороге. Т.к. он блестяще закончил институт, то и карьера, кажется, была обеспечена, но ... пришел 1905 год. Хотя папа сам во всех

⁸ Там же. С. 143.

⁹ Константин Александрович Чиркин (04.04.1878, Брянск, Орловская губ. — 29.06.1933, Брно), инженер, происходил родом из дворянской семьи. Учился в смоленском реальном училище. Высшее образование получил в Харьковском технологическом институте. Был женат на выпускнице института благородных девиц Ольге Андреевне, урожденной Любарской

саботажах не участвовал, но знал всех¹⁰. Начал к нам ходить жандармский полковник со скрипкой, под предлогом поиграть на скрипке, а мама будет аккомпанировать. Конечно, это был только предлог, чтобы выпытать, выспросить, кто мог быть в подозрении. Ничего не узнал и, хотя, никаких улик против папы не было, но было подозрение, что он знает и не хочет выдать. Его сместили с хорошего места и послали на Урал в деревню Катав Ивановский завод в качестве контролера материала на железнодорожной ветке Вязовая-Катав. Иными словами — маленькая ссылка.

[Самара. 1916]

Перед Рождеством 1916 г. папа, наконец-то, совсем вернулся с фронта <...> Папа получил назначение на помощника начальника материальной службы на Самаро-Златоустовской железной дороге. Дедушка (отец Андрей)¹¹, как я уже говорила, продал загородную дачу и харьковский дом с бакалейной лавкой, оставив себе только дом, где мы все время и жили, и дал папе деньги на покупку дома в Самаре. Сам дедушка все еще служил в церкви, так что не нуждался в деньгах. Папа поехал в Самару, а вернулся уже за нами собственником дома, купленного от вдовы купца Племянниковой, на что у тебя, сынок, имеется кучая и план дома. Началось наше великое переселение.

[После революции]

Самара была, главным образом, богатым купеческим городом и в первом году после революции чекисты с матросами ходили с так называемыми обысками, грабить всех зажиточных купцов. Обыски производились следующим образом: вспарывались диваны, матрасы, пуфы (т.к. обычно туда пряталось золото и серебро), обыскивались столы, шкафы — от квартиры мало что оставалось, а за сопротивление — пуля в лоб¹². Да, первый год после революции большевикам было не до

(10.07.1883, Харьков — 23.04.1960, Опава), имел с ней двух дочерей: Мелитину (16.9.1904 г.р., в замужестве Шамрай) и Ираиду. Сначала семья жила в Лунинце. К. А. Чиркин служил на Лунинско-Полесской железной дороге в качестве заместителя депо. После 1905 г. он был переведен на Урал в деревню Катав, где служил на железнодорожной ветке Вязовая — Катав в качестве контролера материала. В 1914–1915 гг. был призван в армию. Ольга Андреевна в это время проживала с детьми в Харькове, у своих родителей. После возвращения Константин Андреевич был переведен на Самаро-Златоустовскую железную дорогу, семья переехала в Самару.

¹⁰ Вероятнее всего подразумевается Всероссийская октябрьская забастовка 1905 г., парализовавшая железнодорожное сообщение по всей стране, что привело к изданию Манифеста 17 октября 1905 г.

¹¹ Имеется в виду отец Ольги Андреевны Чиркиной, протоиерей Андрей Любарский, по сведениям Ираиды Константиновны, преподавал в харьковском институте благородных девиц Закон Божий.

¹² Похожую информацию о грабежах и убийствах приводит в своих воспоминаниях дочь русских эмигрантов из Самары, художница Элеонора Мусатова (1931–2010). Она пишет: «И вот, в 1922 году, наконец-то, с какой-то оказией приходит письмо, получила его мама. В нем страшное сообщение: 9-го мая 1919 на пчельнике была зарезана семья Мусатовых. Алексей Яковлевич Мусатов в Самаре продал дом, бандиты искали деньги. Его, старшего брата Григория — Александра с женой и грудным ребенком, семью сторожа — всех порешили». См.: *Мусатова Н. Григорий Мусатов (Воспоминания о моем отце). Фрагменты. Публикация и комментарий*

работающей интеллигенции, т. к. самые богатые были купцы, да и времени у них не хватало на средний класс, ведь к Самаре вместе с весной подошли и чешские легии, пробивающиеся на восток к отпльтию домой, а они пробивались не сами, а шли за белой армией Каппеля¹³ и Юденича¹⁴.

[«Отречемся от старого мира»]

С появлением большевиков в Самаре на улицах исчезли народные песни, т. к. вся эта красная рвань только горланила «вставай, поднимайся рабочий народ» или «отречемся от старого мира». Но тут же я познакомилась с сарказмом русского народа, даже в такие тяжкие минуты на мотив «отречемся от старого мира» вдруг неизвестно кто пустил следующий текст: «Отречемся от серого мыла и не будем мы в баню ходить». Не знаю, существует ли еще серое мыло, с которым всегда ходили в баню <...>.

[Февральская революция и провинциальные дамы]

Во времена «Временного правительства» большинство знакомых дам было в восторге от Саши Керенского и собирало его фотокарточки, но чем дальше, было хуже. Вместо сахара появилась патока, прислуги у нас уже не было, так что каждый должен был заметить свою комнату. <...>

[Взятие Самары чехословаками]

Чешская армия вошла в Самару вслед за Белой и закрепилась в Самаре на несколько месяцев¹⁵. Как-то пришел папа домой со службы и сказал маме, чтобы как можно скорее собирались — придется уехать, пока Самара опять не станет белой. Дело в том, что чехи должны были отступать на восток, т. е. через Волгу пробираться к Владивостоку. В это время (осень 1918 г.) большевики получили подмогу и стали сильно давить на чехов, а они, т. е. чехи, придя в Самару за Белой армией пешим хождением и угнездившиеся здесь довольно прочно, боялись, что большевики их окружают и чехам будет капут. Пришли на поклон к папе — просить составы для

Ю. Янчарковой // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии I / Отв. ред. Л. Белошевская. Praha, 2011. С. 222. (*N. Musatova*, Grigorij Musatov (Vzpomínky na mého otce). Úryvky, publikace a komentář J. Jančárková // Vzpomínky. Deníky. Vyprávění. Ruská emigrace v Československu I. / L. Běloševská (ed.), kol. Autorů. Praha, 2011. S. 222).

¹³ Генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель (15/27.04.1883, Белев Тульской губ. — 26.01.1920 близ разъезда Утай Иркутской губернии). Командир 1-й добровольческой дружины Народной армии, сформированной в Самаре после захвата города чехословацкими частями. — См.: *Волков Е. В., Егоров Н. Д., Куццов И. В.* Белые генералы Восточного фронта гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 106–107.

¹⁴ Ошибка мемуариста. Генерал Н. Н. Юденич не участвовал в Белом движении на Востоке России.

¹⁵ Ошибка мемуариста. Дело было как раз наоборот, это чехословацкие части вошли в Самару, в которой началось формирование Народной армии, одним из командиров которой был В. О. Каппель.

возможности выехать из Самары. Генерал Гирса¹⁶ был одним из главарей командования чешской армией, и он предложил папе за эту услугу взять его со всей семьей в Чехию <...>. Наконец-то мы тронулись к Златоусту.

[Паровоз и Первый эшелон]

Наш паровоз ... № 266 к нашему первому эшелону прицепили в Златоусте, а не в Уфе и всю дорогу до самой Читы он был с нами так же, как и его главный машинист — Свирепа.

[Поэт Бурлюк в Златоусте]

Еще кое-что вспомнила о Златоусте¹⁷ и считаю нужным записать это. В Златоусте жил Бурлюк¹⁸, друг Блока¹⁹. Я лично его не видела, но знаю, что Златоустовские матери пугали им своих непослушных детей: «не балуй, а то Бурлюку отдам». Все, кто его видели, единогласно твердили, что он выглядел ужасающе — вокруг одного глаза, широким кругом обведена красная краска, вокруг другого — зеленая, одет он был всегда в черный бархатный полушубок-полубабья кофта, а на шее повязан ярко фиолетовый платок. Это подтвердил и один из наших конторщиков-беженцев, позвонив у дверей Бурлюка, принеся ему приглашение на спектакль, организованный нашими составами — любительским кружком в Златоусте. Книжка его стихов у тебя, сынок, должна быть, т. к. я тебе ее дала. Одно из первых его стихотворений помню, только третья строфа из головы вылетела, никак ее не могу вспомнить. Да я его и не учила, прочитала пару раз, чтобы понять смысл, но смысла я в нем так и не нашла²⁰. Вот все, что я из этого запомнила.

Стихи Бурлюка

Русь — один сплошной клоповник
Звезды — черви, пьяные туманом.
Усмиряю боль — шелестом, обманом.
Небо смрадный труп
Для внимательных миопов

¹⁶ См. сноску 30.

¹⁷ На современном филокартическом чешском рынке обращается очень большое количество привезенных legionерами открыток с изображениями нескольких видов Златоуста (чаще всего скалы с уходящей вдаль линией железной дороги).

¹⁸ Давид Давидович Бурлюк (1882–1967), поэт и художник, один из основоположников футуризма в России. В 1918 г. Бурлюк чудом избежал гибели во время погромов и расстрелов анархистов в Москве и уехал в Уфу. В 1918–1920 гг. он гастролировал вместе с В. Каменским и В. Маяковским по Уралу, Сибири, Дальнему Востоку. В 1920 г. он эмигрировал в Японию, где прожил два года, изучая культуру Востока и занимаясь живописью. Здесь им написано около 300 картин на японские мотивы, денег от продажи которых хватило на переезд в Америку. В 1922 г. он поселился в США.

¹⁹ Александр Александрович Блок (1880–1921) — поэт, писатель, переводчик, публицист, классик русской литературы.

²⁰ Вероятно, Ираида Константиновна отождествляла новые веяния в искусстве с новым политическим режимом большевиков.

Лижущих отвратный круп
 С жадною хваткой эфиопов
 Отворяйте ж часы преддверья
 Зовы рук
 Паук²¹.

[Самодеятельный театр в Златоусте]

Надо сказать, что живя долго в Златоусте, папа стал замечать появление в беженцах признаков какой-то хандры, безнадежности и решил, что это первый признак разложения от ничегонеделания. Нашел старого любителя дирижера между нашими составами, хороших певиц и певцов, артистов-любителей, присоединились к нашим и все члены Златоустовского любительского кружка и [?] 2 комедии²², вечер хора народных песен и еще вечеринка. Спектакли были «Иванов Павел» и где мама аккомпанировала все музыкальные части на пианино, поставленном в углу перед сценой. Павла играл Златоустовский любитель, купеческий сын Затрягаев. Играл он очень хорошо. Вторая комедия, не знаю автора «Ни минуты покоя». Вернее, началось все с вечеринки, на которой должно было произойти знакомство населения наших составов с жителями Златоуста. Кто-то там декламировал, кто-то рассказывал анекдоты, а потом объявили, что дальше будут общие танцы. Стулья расставились вокруг стен, а вот был ли оркестр или кто-то барабанил все модные танцы на пианино, этого я уже не помню. Знаю только, что мама сначала сидела возле меня. К Миле сразу подошел какой-то гимназист, а т.к. девочек было больше, чем мальчиков, то девочки танцевали с девочками. <...> Концерт был очень хороший и им был доволен не только весь Златоуст, но и все 3 наши состава, а папа достиг своей цели — все люди были заняты и хандра исчезла.

[Бегство казаков от красных. Переживания по поводу паровоза]

Только один раз уже в Сибири, в тайге у нас его [паровоз № 266] одолжили до следующей остановки казаки. Целый эшелон казачьих войск удирал на восток и уж не знаю какими судьбами остался без паровоза. Помню, что папа долго говорил

²¹ Ираида Константиновна ошибочно объединила два стихотворения Д. Бурлюка «Призыв» и «Мертвое небо». «Призыв»: «Русь — один сплошной клоповник! // Всюду ползет обоз, // Носит в золоте сановник, // Мужичок, что весь промозг. // Осень... тоном студной... слякоть... // «Номера» — не заходи: // Обкусает звери мякоть — // Ночь «центральных» — проведи... // Всюду липкою тряпицей // У грудного заткнут рот!.. // Есть? — вопли десятирицей — // Тошноты моря и рвот. // Русь грязевое болото // Тянет гнойный, пьяный смрад... // Слабы вывезть нечистоты // Поселенье, пристань, град. // Грязь зовут — враги — отчизной!.. // Разве в этом «русский быт»?!. // Поскорее правим тризну — Праздникам параш, корыт!.. // Моем мощной, бодрой шваброй // — Милый родины удел // Все, кто духом юно-храбрым // Торопясь, не оскудел! «Мертвое небо»: «Небо — труп»!! не больше! // Звезды — черви — пьяные туманом // Усмиряю боль шелестом-обманом. // Небо — смрад-ный труп! // Для (внимательных) миопов, // Лижущих отвратный круп // Жадною (ухваткой) эфиопов. // Звезды — черви (гнойная живая) сыпь! // Я охвачен вязью вервий // Крика выпь. // Люди-звери! // Правда звук! // Затворяйте же часы предверий // Зовы рук // Паук.

²² Вероятно, пропуск в тексте.

с их начальством и, в конце концов, послал Свирепу с пятью нашими охранниками. До сих пор помню это тягостное ожидание — вернется ли наш 266 или заберут его силой. В вагонах было тихо, все превратилось в уши — слушали, раздастся ли баритон нашего... Мне казалось, что прошел весь день (это было после обеда), и стало уже совсем темно, а мы все слушали. И вдруг вдали раздался свисток. Миля и я первые услышали его. Взрослые говорили, что это еще может быть другой, но мы обе твердили: «Наш 266 вернулся». Вернулся на самом деле. Но это я уже перескочила на конец 1919 года, а теперь вернусь к Полетаеву²³.

[Челябинск. Граница Европы и Азии]

Там [в Полетаеве] мы были недолго и поехали в Челябинск, а из Челябинска дальше. Помню, как папа показывал нам столб, разделявший границу Европы от Азии, но было ли это до Челябинска или после — не помню (это можешь посмотреть в книге «Великий Сибирский путь»). Так мы с маленькими остановками доехали до Новониколаевска на Оби²⁴. Здесь мы закисли надолго. Конец лета, осень и часть зимы мы жили на запасных путях, все три состава. <...>

[Встреча с ранеными и больными белогвардейцами Каппеля]

Очевидно, большевикам приходилось отступать, т. к. мы вдруг поехали обратно. Стали по дороге закупать все, чтобы вернувшись в Самару не помереть с голоду, но доехав до Златоуста, повернулись опять на восток и уже без остановок даже в Новониколаевске. Да, чуть было не забыла сказать, что по дороге от Новониколаевска до Златоуста мы встречали поезда, вернее, это были не поезда, а составы из платформ, на которых вповалку лежали замерзшие трупы — тиф и мороз свирепствовал у Каппеля²⁵, и безнадежных отсылали лишь бы они не попались живыми в руки красных. До сих пор я вижу эти длинные составы похоронных платформ. А сколько эшелонов с ранеными с Урала ехало на восток и все они на остановках, через окна просили, нет ли книжек почитать. Папа очень много раздал книг этим раненым, а на следующей остановке опять приносил новые книги. Вот это и было мое образование за 2 года. <...> Во второй раз мы уже в Новониколаевске не задерживались, просто-яли всего лишь пару дней, чтобы запастись в дорогу едой и всем необходимым и поехали дальше на восток. <...> Не имея под рукой ни книги, ни карты, я совершенно перепутала станции и их местонахождение, а тут еще перепутала, что было в первый

²³ Населенный пункт.

²⁴ С 1926 года Новосибирск.

²⁵ Речь идет об участниках т. н. «Ледяного похода»: движение армии Каппеля к Иркутску на помощь адм. Колчаку в декабре — января 1919/20 гг. Цитированный выше 9-летний гимназист Адамович видел участников «Ледяного похода», когда ему было примерно четыре-пять лет. Воспоминания ребенка не сохранили подробности, но только «боль в сердце»: «Больно в сердце становится, когда видишь, что в середине пути — чехи, а по обеим сторонам идут или, вернее сказать, отступают русские войска, почти все помороженные, больные, даже не хочется все то вспоминать, что видел я». Здесь также скрытое осуждение: «чехи» едут в теплушках, а больные и обмороженные русские воины идут пешком вдоль путей. — См.: Дети русской эмиграции. С. 192–193.

раз, а что во второй раз нашего этапа Златоуст — Новониколаевск — Новониколаевск — Златоуст и во второй раз Златоуст — Новониколаевск. Так как записей никаких у меня не было, то единственной нитью для меня были времена года, а т. к. негде было посмотреть, как идет по порядку станции, то у меня и вышла путаница.

[Путь первого эшелона беженцев]

Теперь придется дать сжатое описание нашего пути со станциями и временами года. Так, выехали мы из Самары в августе 1918 года. В Уфе пробыли 1–1,5 месяца, т. е. в Златоуст приехали, очевидно, в октябре 1918 года и простояли там до (приблизительно) Рождества или Нового года. Из Златоуста, переехав границу между Европой и Азией (каменный столб, с одной стороны вырыта²⁶ «Европа», с другой — «Азия») перед городом Миассом, через Челябинск, переехав границу Сибири перед городом Курганом в Петропавловск, где уже начиналась одноколейка, т. е. перед выездом из Петропавловска нужно было ждать встречного поезда и только тогда, имея свободный путь перед собой, можно было ехать дальше. В первый раз (это было начало 1919 года) мы доехали до Новониколаевска и остались здесь до начала весны. Опять что-то напутала. <...> Ох, сынок, и работushку же ты мне дал. За 72 года многое стерлось. <...>

[Повседневная жизнь беженцев в поездах]

Теперь, приведя в порядок летоисчисление и последовательность станций, можем вернуться к повседневной жизни в наших трех составах. Как я уже писала, за Шурой Воронцовой усиленно ухаживал конторщик Пантелеев и стало ясно, что они поженятся. Я получила заказ на петли и крючки для свадебного платья. Сначала их было 50, а в конечном итоге их было 90, т. е. я целыми днями сидела и делала крючки и петли. Миля надо мной смеялась, говоря, что я всякой ерундой занимаюсь, а ей не с кем играть в карты. Она меня научила играть в 66 и 21, и когда ей было скучно лежать и вышивать, то звала меня играть в карты. От папы ей за насмешки надо мной влетело. Не могу вспомнить, где именно еще перед Читой (а может быть еще в Иркутске или Красноярске) Шура вышла замуж за Пантелеева и оба они, обвенчавшись, остались в Сибири. <...>

[Встреча с Колчаком в Омске]

Видишь, опять забыла сказать, что приехав в Омск, мама сразу же на извозчике отправилась в город за покупками и видела ехавших в санях Колчака²⁷ и с его князем²⁸.

²⁶ Вероятно, перепутано слово: по смыслу должно быть «выбита надпись».

²⁷ Колчак Александр Васильевич (04/16.11.1874, Обуховский сталелитейный завод, близ Санкт-Петербурга) — 07.02.1920, Иркутск), адмирал. — См., подробнее: *Волков Е. В. и др.* Белые генералы. С. 115–116.

²⁸ Вероятно, богемизм (князь по-чешски — священник). Имеется в виду, скорее всего, Сильвестр, архиепископ Омский (1860–1920). — См.: *Панина М. Ф.* «Его больше не трогали»: легенда о мученической кончине архиепископа Сильвестра в 1920 г. // *Известия*

[Банды «зеленых» нападают на поезда]

Но теперь пора начать описывать переживание всех наших трех эшелонов, когда мы подъезжали к тайге. Все мы знали, что существуют не только белые или красные, но есть еще и зеленые. Зеленые — это были банды, которые скрывались в тайге. Обычно ночью они клали колоды поперек рельсов и этим заставляли поезд останавливаться. Дальше нападали на поезд и кому не удалось бежать и спрятаться в глуши тайги, того убивали, а поезда грабили до последней вещички. И так нам всем приходилось на ночь одеваться в шубы, капоры, валенки, маленькие, самые дорогие вещи, держали в руках и так дремали в ожидании — проскочим или нет. Наш поезд всю тайгу проехал благополучно, но второй и третий, так мы больше и не видели. Ждали на каждой большой станции, но о них, ни слуху, ни духу. Очевидно, все погибли. <...>

[Женские занятия в беженских поездах]

В каждом большом городе, где мы останавливались, мама ездила в город за покупками. Привозила она нитки, иголки, батист (из которого мы все, и даже я, вышивали носовые платки), бабушка шила белье, Миля на платках рисовала узоры для обрубки, т. к. маминой швейной машинки не было, то все научились шить позадь иголки, т. е. машинным швом, и вышивать. И так я, кроме крючков, чтения и ничегонеделания еще научилась шить и вышивать.

[Закупки провизии и питание беженцев]

<...> Закупки еды лежали на папе. Он притаскивал полные мешки всякой всячины, начиная хлебом (зимой кусками мерзлого молока в кастрюлях, летом 3 литровую, а то и 5 литровую бутылъ молока, масло, яйца, рыбы — стерляди, селедки, или что было. Зимой — засоленные селедки, которые отмачивались, очищались, резались ломтями и заливались подсолнечным маслом (заготавливалось в больших глиняных крынках). Всякого рода овощи, а на зиму лук, чеснок, копченое сало, колбаса, засоленное мясо и т. д. Все это была папина работа. Бабушка часть молока кипятила на керосиновой небольшой печке, а часть оставляла на киснутье (летом), а зимой кусками молоко в кастрюлях выставляла на площадку-кладовую, и постепенно, отрубая куски молока, его кипятила. Жареная картошка была ежедневной едой.

[Солидарность железнодорожников]

<...> До Читы голодовки мы не знали, т. к. на всех больших станциях ежемесячно выдавалось жалованье, несмотря на то, какой отсек железной дороги мы проезжали — железнодорожники своих поддерживали. <...>

[Дорога к Байкалу и пребывание у Байкала]

Теперь возвращаюсь к Иркутску. Как долго мы, т.е. наш эшелон, простояли на запасных путях, а наша семья блаженствовала у Сивохи, не могу вспомнить, ведь это был просто прекрасный сон. Спать в мягких постелях, ходить и даже бегать по комнатам, тогда как в нашем полувагоне можно было только сидеть или лежать, а для хождения места не было. Итак, двинувшись из Иркутска, мы пустились на юг, огибая южную часть Байкала и обогнув ее, остановились в Мысовой. Вся дорога от Иркутска до Мысовой — сплошная красота. Ведь все Даурские, будь то горы, покрытые лесом, или дикие скалы, завораживают своей красотой. Просто не хотелось отходить от окон. Не знаю, почему наш эшелон на Мысовой отвезли на запасной путь на несколько дней. А этот запасной путь находился на берегу Байкала. С одной стороны скалы, а с другой маленький спуск и плоский берег Байкала. Дело было зимой, и я с папой пошли полюбоваться Байкалом. Воду покрывал толстый, толстый лед, тянулся он очень далеко от берега и был такой прозрачный, что отойдя от берега на 10 шагов мы с папой видели каждый камушек на дне. <...>

[Распад железнодорожной системы Российской империи]

Я забыла сказать еще об одном. Чем дальше мы удалялись от Самаро-Златоустовской части железной дороги, тем меньше денег нам выдавали на других отсечках, т.е. главных станциях разных, как я уже разделила, частях магистрали (Западно, Средне-Сибирская Забайкальская часть). Приходилось экономить, иногда еды было в обрез, о витаминах и говорить нечего было. <...>

[Торговля беженцев с местным населением]

Еще вспомнила интересный эпизод. Побывав в первый раз в Новониколаевске, я возвращалась обратно в убаюкивающей надежде приехать домой, хотя бы в разграбленную квартиру. Мама до самого Златоуста закупала красивую посуду и тому подобное. Вкус у мамы был изысканным, так что этого барахла, т.е. сервизов чайных, столовых, кухонных у нас появилось столько, что под каждой лавкой стояли коробки и мешали заметать полы мокрой тряпкой. С приездом в Златоуст резко оборвались все надежды на возвращение домой, и прекратилась мания закупки вещей для «приличного» оборудования квартиры. Миновав во второй раз Новониколаевск, приблизительно от станции Тайга, на каждой станции беженские поезда встречали целые оравы бабья. Влезали в вагоны и наперебой орали: «Есть чаво продавать, аль менять хочете?». Так мы постепенно продавали или меняли на сахар, соль, сало, яйца, масло, хлеб. Для нас все это была необходимость, а зажиточное сибирское население нарасхват обзаводилось красивыми сахарницами, целыми приборами и т.д. Большинство этих покупателей были переселенцы с Украины. Получить взамен красивого чайного прибора голову сахара и порядочный кусок масла — была огромная удача. Таким образом, мы избавлялись от всего, что теперь уже было лишним, т.к. мечта о возвращении домой уже совсем расплылась во что-то недостижимое.

[Атаман Семенов: упорядочивание железнодорожного сообщения]

В Чите <...> пришло приказание всем служащим железной дороги явиться к атаману Семенову²⁹. Семенов расформировал остатки нашего управления Самаро-Златоустовской железной дороги, повыбирал самые лучшие силы и прикарманил их к себе на службу. Папа вернулся в вагон совсем мрачным. Его сделали помощником министра путей сообщения. <...> Дело в том, что Семенов яхшался с японцами и взамен за поддержку ему — Семенову стать властителем Сибири, а позднее и всяя Руси, обещал японцам всю приморскую часть Сибири. Папа днем и ночью думал как-бы удрать от Семенова, что изобрести, чтобы двинуться дальше, т. к. Семенову папа не верил, говоря, что он авантюрист и что от него надо быть как можно подальше.

[Планы покинуть атамана Семенова]

В начале весны, как только начал таять снег, папа вдруг вернулся со службы возбужденный и первым его словом было «наконец-то!». Придя в тот день к своему министру, папа нашел его сильно расстроенным. Вот точный разговор министра с папой: «Константин Александрович, беда! Нигде не могу достать (не помню какой) материал, а мне приказано, во что бы то ни стало его достать, иначе будет беда». У папы в голове искрой пролетело «вот случай, которого я жду» и папа совершенно спокойно ответил министру — «ну это во Владивостоке, точно знаю, что есть. Пошлите меня туда, и я Вам его привезу». Министр так обрадовался, что сразу же написал папе путевку, согласился, чтобы папа ехал в своем вагоне, что это будет гораздо удобнее, чем искать место в каких-то поездах и отослал папу с всякими пропусками в командировку.

[Присоединение к чешскому эшелону]

В Чите готовый к отъезду стоял чешский эшелон. В сумерках папа, мама и я пошли к начальнику эшелона, папа показал ему все бумаги, подписанные Dr. Girson³⁰, о том, что папа сделал для чешской легии и обещание Гирсы взять с собой в Чехословенскую (!) республику инженера К. А. Чиркина со всей семьей. Понятно, что начальник эшелона согласился на прицепку нашего вагона к их эшелону, тем более что папа вторую — пустую половину нашего вагона предложил для чешских офицеров. Уже вечером вся вторая половина нашего вагона была занята чешскими офицерами³¹, наш вагон был прицеплен в середину чешского состава, а перед рассветом

²⁹ Семенов Григорий Михайлович (13/25.09.1890, станция Друрулгуевская Забайкальского округа — 30.08.1946, Москва), генерал-лейтенант, из забайкальских казаков. — См.: *Волков Е. В. и др.* Белые генералы ... С. 185–186.

³⁰ Вацлав Гирса (28. 11. 1875, Шепетовка — 23.6. 1954, Прага) чешский доктор и дипломат на службе Чехословакии. В ноябре 1919 г. был назначен представителем правительства Чехословакии в Сибири. Вел переговоры с большевиками о проезде чехословацких легионеров во Владивосток.

³¹ Вагоны представляли из себя т. н. «теплушки», т. е. утепленные вагоны предназначенные для переселенцев в Сибирь, которые отправлялись туда вместе со всем имуществом

весь эшелон двинулся по Уссурийской железной дороге по направлению к Хабаровску. <...>

[Жизнь в чешском эшелоне]

Итак, чешский состав, к которому нас прицепили и наш вагон стояли на Эгершельде. Папа работал в вагоне канцелярии у капитана Регера³². Вся его работа заключалась в том, что нужно было в газетах отвечать на обвинения японцев.

[Отношения чешских легионеров и японцев]

А японцы открыто обвинили чехов в невероятной краже всего, что только им попадалось по пути, включая составы меди, 1 вагон золота, случайно исчезнувший из пяти вагонов золота Колчака, а Колчака с его вагонами до Иркутска охраняли чешские эшелоны и в Иркутске с четырьмя вагонами золота выдали его, Колчака, большевикам. Пятый вагон исчез. Между нами, пятый вагон появился в Праге под названием «Легиобанка» И так папе приходилось писать небывлицы, чтобы «восстанавливать» честь чешских легий. Приходя домой, т. е. в нашу половину вагона, папа начинал бубнить. Когда папа был очень зол, он всегда не говорил, а бормотал ругательства, а мама это называла «опять бубнит». Папа просто бесился, говоря, «между ворами адвоката делаю». Ясно, японцы вовсе не хотели упустить такую добычу, и медь, и золото, японцам все было очень нужно. Конечно, они и не думали возвращать это России, а хотели только для себя отнять у чехов. Но об этом впереди. Повседневная жизнь на Эгершельде тянулась. <...>

[Японский Владивосток]

Главные и вообще самые хорошие магазины были японские. Там можно было достать все. Вообще, порядок в городе держали японцы. Солдаты, офицеры попадались на каждом шагу, уже не говоря о том, что в хороших магазинах и ресторанах были только японцы. Словом, в городе была смесь: американские матросы, чехи, русские, но главным образом, японцы. Китайцы-ходи — это была самая низшая ступень общества. <...>

[Недоверие беженцев к чехам]

Папа все время нервничал, т. к. чехи, несмотря на все подтверждения от Гирсы, не выказывали особенного желания брать нас на пароход. <...> Наконец-то папа узнал, что всех нас возьмут на последний пароход — на «Президент Грант».

и скотом. В одном вагоне могло поместиться 40–50 человек. — Подробнее см.: *Sklenář V. Ruské železnice a jejich význam pro čs. vojsko na Rusi // Československé legie v Rusku. Sborník příspěvků z kolokvia 9. 5. 2001 v Praze. Praha, 2003. S. 72–79.*

³² Капитана с таким именем установить не удалось.

[Погрузка на пароход]

Сундуки уже были заколочены, коробки и чемоданы тоже. «Президент Грант» стоял уже посреди залива, а наш вагон перевезли в Гнилой угол (вернее, весь чешский состав). Дело в том, что в Гнилом углу была меньшая пристань, впритык к ней купленный чехами небольшой пароход «Легию». И днем и ночью при рефлекторах на «Легию» лебедкой грузилось: огромные листы меди и еще какие-то минералы и металлы. Наш состав был чем-то вроде охраны, т. к. японцы открыто заявили, что «Легию» из залива не выпустят, т. к. весь груз краденый³³. «Президент Грант» должен был отплыть 6-го сентября, но остался ждать «Легию» как защиту. 7 сентября мы, с грехом пополам, наконец, влезли на борт нашей посудины. Причем чехи и тут показали себя — лომились, толкались так, что папа едва удержал меня, иначе шедший позади меня чех спихнул бы меня в воду с помоста. Только 9 сентября утром «Легию» отшвартовалась от пристани и под нашей охраной поплыла к выходу в Японское море.

Приписка на обложке тетради: «Из Владивостока выплыли 9 сентября 1920 г. в Триест приплыли 1 ноября 1920 г. и того плыли с остановками 52 дня»³⁴.

---

³³ Об этом конфликте между чехословацкими легионерами и японскими оккупационными властями не удалось найти сообщения в других источниках.

³⁴ На самом деле «Президент Грант» прибыл в Триест 13 октября 1920 г., отплыв из Владивостока 24 сентября 1920 г. Это был 35 транспорт, который двигался т. н. южным путем через Японию, Гонконг, Цейлон и Суэцкий канал до Триеста. — См.: *Novotný F. Z Koryčan na konec světa a zpět přes tři oceány. Vzpomínky československého legionáře.* Olomouc, 2015. S. 176–180.

Из воспоминаний С. А. Щепихина¹

Об авторе:

Сергей Арефьевич Щепихин происходил из семьи уральского казачьего обер-офицера. Он родился в поселке Январцевском станицы Кирсановской Уральского уезда Уральской области 1 октября 1880 г., окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908), причем во всех этих учебных заведениях обучался вместе с будущим оренбургским атаманом А. И. Дутовым.

На 1917 г. Щепихин уже являлся полковником Генерального штаба, имел боевой опыт русско-японской (тогда будущий генерал участвовал в знаменитых кавалерийских набегах на Инкоу и Фукумынь, в сражениях при Сандепу и под Мукденом) и Первой мировой войн (служил в штабе 3-й армии Юго-Западного фронта, а с весны 1917 г. командовал 2-м Уральским казачьим полком).

Щепихина высоко ценило командование. В аттестации от 16 июня 1916 г., составленной генерал-квартирмейстером штаба 3-й армии генерал-майором А. А. Посоховым, отмечалось: «Исполнительный, энергичный, твердый и большой воли офицер самостоятельный с широкой инициативой, развитой и отлично понимающий военное дело.

Каждое поручаемое ему дело ведет прекрасно, не нуждаясь в указке. Заведывая службой связи в армии, поставил ее прочно и надежно. Легко справляется с нею при всех самых трудных положениях и внезапных перегруппировках.

По свидетельству начальников, видевших его в боевой обстановке, храбр и находчив.

В общем — отличный, достоин выдвижения на должность начальника штаба дивизии и командира казачьего полка вне очереди»².

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14–31–01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1490. Л. 133об.